

Андрей Курков

ГЕОГРАФИЯ ОДИНОЧНОГО ВЫСТРЕЛА

ТРИЛОГИЯ

Книга третья

**ПУЛЯ
НАШЛА
ГЕРОЯ**

Харьков
«Фолио»
2013

Глава 1

Время, как и пуля, имеет вид округлый, лишенный геометрически острых углов. Оно прозрачно и естественно, и кружит, как и пуля, вокруг земного шара, перекатываясь через его поверхности то прозрачным воздухом дня, то густой патиной ночи.

Но скорость у времени неспешная. Времени некуда спешить. Оно идет себе и идет. И только пуля, многократно обгоняя время и одновременно летя слаженно с этим временем, но намного быстрее, только пуля спешит, чтобы остановиться. Чтобы пронзить заветную мечту свою — тело героя — и остаться в нем, застыв и впитав в себя последнее тепло остывающей крови, укутаться в нее, стать искусственным желтком загустевшего мертвого яйца, в которое превращается любое тело, ступившее за грань жизни.

А ночи после войны темнее стали, темнее и безлюднее. Редко где промелькнет огонек папиросы вышедшего во двор покурить от бессонницы человека. Пуля на такой огонек — как мотылек. Только всякий раз зря! Словно и не курят по ночам настоящие герои!

И кто он — этот настоящий герой, на поиски которого обрек ее, пулю, тот давний ангел-дезертир? Ему-то самому что: ладонь вперед выставил, сказал пару слов и дальше пошел. А ей — и в дождь, и в снег, и в слякоть, в любую непогоду,

проще говоря, лети и ищи! И если б полна страна была героев, то успокоилась бы уже пуля. А так, то ли все герои были другими пулями убиты, то ли не было их вовсе. А значит, какова бы причина ни была, а полет продолжается. И только время остается позади. Прошлое время. А будущее, оно, конечно, все впереди. Только зачем пуле будущее? Она ведь не к жизни стремится! Не к полету, как герои летчики.

А утро уже наползает рассветными лучами на все еще дремлющую землю. И петухи кричат, как заведенные. Крики их врываются в небесное пространство над селами и городками и ускоряют движение воздушной пыли, которая и видна становится только в первых лучах поднимающегося солнца, когда оно свежее и не такое яркое, еще не раскаленное до состояния доменной печи.

На поле выезжает первый трактор, и, как естественное продолжение петушиного крика, урчит его мотор, дополняя звуковую картину пробуждающейся земли. Скрипят ворота, и у колодцев позвякивают жестяные ведра. Режет небесную податливую ткань летчик на крылатой машине.

А под ним, между самолетом и поверхностью уже пробудившейся и шевелящейся своими мелкими частицами земли, летит пуля. И вниз ей не хочется от неверия в возможность своей маленькой победы. И вверх ее не влечет — билась она уже не раз о борта самолетов, пытаясь пробиться через железную скорлупу машины и добраться до спрятавшегося там человека.

Военный самолет вдруг совершил фигуру высшего пилотажа, именуемую «бочкой», и сам чуть не ударил пулю крылом. Еле увернулась она и помчалась прочь от этой машины, пониже к земле опустилась. Там спокойнее. Там, внизу, и жизнь беззащитной кажется. Одна беда — трудно в беззащитности этой жизни героя отыскать.

Глава 2

Зима в Новых Палестинах выдалась суровой и холодной. По ночам за стенками человеческих коровников завывали вьюги, и новопалестиняне, даже если удавалось им при этом вьюжном вое заснуть, все равно вздрагивали испуганно во сне и неоднократно просыпались от собственного вздрагивания.

Даже днем без особой надобности старались не выходить наружу. Может, живи они где в низинке, так и вьюга выла бы потише, и не так ударялся бы ветер в деревянные стены их жилищ. Но там, на вершине холма, ближе к небу, ветер имел столько простора и силы, что вполне мог и развалить некоторые, а то и все постройки Новых Палестин, чего новопалестиняне и боялись пуще всего.

Ангел, пытаясь согреться после сна, присел у ближней печки. Рядом сидели и о чем-то думали, согреваясь, крестьянки и крестьяне с бывшими красноармейцами. Время от времени кто-нибудь из них тяжело вздыхал, и тут же, как по команде, вздыхать начинали и другие, сидевшие вокруг печки.

Запас дров таял на глазах, и поэтому горбун-счетовод распорядился топить печи потихоньку, но постоянно, вместо того чтобы один раз и на целый день.

Ангел сидел и думал о своих друзьях-собеседниках, которых уже две недели не видел. Да, минуло уже две недели со дня его последней встречи с Захаром-печником и одноруким Петром. Так хотелось снова пойти туда, поговорить с ними о чем-то, покушать вкусного копченого мяса. Ангел, думая об этом, тяжело вздохнул. Тут же рядом раздались такие же тяжелые вздохи. Прислушался ангел к вьюге за стенами, и показалось ему, что потише стал ее вой. Встал, подошел к двери, приложил к ней ухо. Потом приоткрыл дверь и глянул наружу одним глазком. А там белым-бело, и воздух — морозный

и острый как нож — царапнул холодом щеку. Закрыв ангел дверь, а сам задумался. Потом одолжил у одного крестьянина кожух и вышел из человеческого коровника.

Сразу лицо холодом обожгло, но холод этот только взбудрил ангела. Пошел ангел вниз, к домику Захара. Под ногами снег скрипит, да и сам воздух, казалось, тоже скрипит вокруг.

Дошел. Постучал в окошко. Только уселись они втроем за стол, только мяса нарезали, как снова вьюга началась.

— Ну ничего, — сказал Захар. — У нас переждешь. Тут-то, поди, теплее, чем у тебя там в коровнике?

— Теплее, — согласился ангел.

За окном бесилась вьюга, а ангел с Петром и Захаром ели мясо и говорили. Мясо было жестче обычного, из запасов. Свежего Захару из-за погоды не привозили, но печь коптильную он топил исправно, ведь его запас дров был побольше, да и, привыкший к теплу, отвыкнуть от этого, может быть излишнего, тепла он не хотел и не мог.

За окном быстро стемнело, и Захар зажег свечу.

— Слышь, ангел, — спрашивал Петр, — зачем зима нужна? А? Чего от нее хорошего?

«А действительно, зачем? — задумался ангел. — Будь от нее какая польза, так и в Раю бы она была, но там ведь вечное лето!»

— Не знаю, — признался ангел после размышлений.

— А я знаю, — сказал Захар. — Эт чтобы от зла людей удерживать.

— Да как же она удерживает? — спросил Петр.

— А холодом и удерживает, — говорил Захар. — Хочет человек какое зло сделать, а не делает, потому что ему выходить на холод или в метель страшно.

Подумал ангел над словами печника, и показалось ему, что прав печник. А кроме того, легко объяснялось теперь отсут-

ствие зимы в Раю — там ведь никто никому зла не делает, а стало быть, удерживать некого. А значит, и зима не нужна.

Говорили они еще долго, а потом спать улеглись.

А утром разбудил их стук в окно.

— Эй, Захар, у тебя ангела нет? — спрашивал кто-то.

Поднялись и Захар, и ангел. Подошли к окну. Попытались рассмотреть — кто это там ангела ищет, но ничего не увидели сквозь заиндеветшие морозные узоры. Однако тихо было на дворе, значит, ночная вьюга к тому времени закончилась.

Отпер Захар двери. В сени ввалился красный с мороза горбун-счетовод.

— У тебя ангел-то? — отдышавшись, снова спросил он.

— Ну, у меня, — ответил Захар. — А тебе он зачем?

— Да там Архипка-Степан умирает, просил его позвать — хочет перед смертью с ангелом поговорить.

— О Господи, — вырвалось у Захара. — Чего ж это он помирает? Случилось что?

— Нет, — ответил горбун. — Сам решил помереть. От тоски, сказал.

Ангел быстро надел одолженный предыдущим утром кожух и вышел во двор. Горбун за ним.

— Я счас тоже подойду! — крикнул им вслед Захар.

В самом углу человеческого коровника, того же, где и ангел жил, лежал на лавке Архипка-Степан, накрытый несколькими шинелями и кожухами. Вокруг него сидели на лавках и на корточках новопалестиняне, сидели и молчали, горестно поглядывая на Архипку.

Ангел подошел несмело, стал у изголовья и поймал на себе тусклый, но радостный взгляд умирающего.

— Пришел... — тихо произнес Архипка-Степан. — Присядь тута.

Ангел присел на ту же лавку.

— Слыхал? Я умирать решил, — сказал Архипка-Степан слабым голосом.

— Зачем? — спросил ангел.

— Да тоскливо стало. Без толку живу, — признался Архипка-Степан. — Уже столько лет маюсь, вот и решил — хватит! Я тебя вот что спросить хотел: как там, в Раю? А?

— Хорошо там, — прошептал ангел. — Тепло. Хлеб вкусный — белая паляница.

Архипка-Степан облизнул свои пересохшие губы.

— А меня туда впустят?

Ангел задумался. Казалось ему, что должны впустить Архипку в Рай, ведь ничего плохого он никому не сделал, да и наоборот: сам же привел сюда людей, к лучшей жизни стремившихся, вместе с ними строил эту жизнь. Правда, потом действительно затосковал и вроде как ничего больше не делал, только лежал на лавке или сидел на траве летом и тосковал.

— Слышь, впустят? — повторил свой вопрос Архипка-Степан.

— Наверно, — ангел кивнул.

Архипка-Степан улыбнулся. Лицо его было иссиня-желтым, и улыбка эта словно натянула на его лице сохшую от тоски кожу. Ангел, глядевший на Архипку-Степана, даже испугался, подумав, что не выдержит сохшаяся кожа и лопнет.

— Может, молочка попьешь? — спросила жалобным голосом одна крестьянка, наклонившись над умирающим.

Архипка-Степан мотнул головой, отказываясь, потом закрыл глаза.

К вечеру он действительно умер. Из второго человеческого коровника приходили с ним взглядом попрощаться. Молчали. Бабы тихонько выли по углам, сами себе закрывая рты, чтобы не могли вырваться наружу их страдания.

Горбун-счетовод ушел к себе на лавку, достал из-под матраца толстую амбарную тетрадь и карандаш. Долго пролистывал

ее, пока не нашел «Список населения Новых Палестин». Потом отыскал в этом списке Архипку-Степана и вычеркнул его аккуратно. После этого пролистал тетрадь дальше и на чистой странице вывел крупными круглыми буквами: «Список умерших жителей Новых Палестин», а под ним вывел карандашом жирную единицу и записал под этим номером Архипку-Степана, после чего тетрадь закрыл и снова спрятал под матрац.

Всю ночь лежал умерший на своей лавке, а утром горбун-счетовод провел собрание, на котором решили хоронить Архипку-Степана весной, а пока вынести его на мороз, который и сохранит умершего до дня похорон. Под конец собрания горбун предложил Демиду Полуботкину спеть у лавки умершего народную грустную песню. Хоть и хотел Демид отказаться, но не посмел. Да и у него самого настроение было тяжелое и тоскливое. И запел он «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Все сразу встали и головы склонили. И ангел встал. Огляделся и остановил свой взгляд на сыне счетовода, Васе-горбунке, прижавшемся к своему отцу. Поискал взглядом ангел его мать, но так и не нашел, хотя ведь и лицо ее помнил очень смутно, а может быть, и не помнил уже вовсе.

После песни Архипку-Степана вынесли и положили возле зимней кухни, как раз между ее стеной и колодой, на которой рубили дрова, а иногда и мясо.

Морозный воздух был прозрачен и колюч, а на горизонте уже темнелась приближающаяся вьюга.

Глава 3

Дверь в кабинет начальника тюрьмы без стука распахнулась, и вошел Юрец. Прошел к столу, кивнув на ходу малолетнему сыну Крученого Володе. Сел на прибитый к полу табурет.